

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 340.154

DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-181-198

РЕФОРМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПРИЧИННОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И РЕЦЕПЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Д. В. ОРЛОВ

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

П. Е. СОБОРНОВ

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

Для цитирования:

Орлов Д. В., Соборнов П. Е. Реформы в системе управления органами внутренних дел Российской империи первой четверти XIX века: к вопросу о причинной обусловленности и рецепции зарубежного опыта // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Том 10, № 2. С. 181–198. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-181-198.

Введение: период первой четверти XIX века стал эпохой проведения масштабных реформ в системе органов внутренних дел Российской империи. Эти реформы были вызваны острыми потребностями адаптации государственного механизма самодержавно-абсолютистской России к масштабным территориальным и социальным изменениям в Европе, вызванными Великой французской революцией 1789–1794 годов. В связи с этим, выявление причинности этих преобразований и рецепции зарубежного опыта в области управления органами внутренних дел Российской империи позволит прояснить специфику государственных преобразований в России и установить фундаментальные проблемы проведения управленческих реформ.

Цель: выявление причин и условий, оказавших влияние на процесс проведения управленческих реформ в системе органов внутренних дел Российской империи первой четверти XIX века.

Методы: исторический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-диахронный методы.

Результаты: проведены обзор и анализ дореволюционной, советской, российской и зарубежной научной литературы, а также мемуаров и воспоминаний современников по проблемам реализации в Российской империи в первой четверти XIX века масштабного реформирования отечественных органов внутренних дел, сделаны выводы о важном значении английского и французского опыта в этом процессе.

Выводы: в результате всестороннего изучения научной литературы и исторических источников авторы статьи пришли к выводу о том, что в основе проведения реформ в системе органов внутренних дел Российской империи первой четверти XIX века лежали не политико-

правовые идеи французского просвещения, как считают многие, а опыт функционирования британских министерств и министерства полиции Франции периода первой империи.

Ключевые слова: органы внутренних дел; полиция; Министерство полиции; Министерство внутренних дел Российской империи; министерская реформа; реформы XIX века; полицейские функции

ВВЕДЕНИЕ

В начале XIX века в Российской империи начались масштабные реформы в системе государственного управления, затронувшие и систему органов внутренних дел. Эти реформы ставили перед собой задачи: упорядочение системы государственного управления, ликвидация наметившегося параллелизма органов государственной власти, при котором разные властные структуры исполняли часто одни и те же полномочия. Вместе с тем следует признать факт того, что в империи имелись достаточно важные проблемы, такие как эффективное подавление крестьянских выступлений, осуществление наборов рекрутов в российскую армию, осуществление административно-управленческих задач в сфере содержания государственной собственности, борьба с преступностью. Коллегиальная система управления, созданная при Петре Великом, к началу нового XIX века обладала рядом недостатков: предельно узкой специализации коллегиальной системы не существовало; Правительствующий Сенат, подвергавшийся во второй половине XVIII века постоянным преобразованиям, направленным на увеличение количества департаментов, не справлялся с масштабным набором контрольно-надзорных и делопроизводственных функций по надзору за всей системой государственного управления. При этом тенденция к расширению функций Правительствующего Сената проявлялась в постепенной концентрации его функций и в сфере контроля над судебной системой. Один из современников отмечал: «Должность генерал-прокурора Сената одна из важнейших в империи: его влияние очень велико; это правая рука императора и сената в заведовании обширным ведомством юстиции и гражданской администрации» (Жоржель, 1913, с. 198). Польский аристократ Адам Чарторыйский признавал, что «чрезвычайно важные полицейские и административные функции, лежавшие в основе этого министерства, прежде тонули в общей массе обязанностей Сената, генерал-прокурора и нескольких секретарей, назначенных Государем» (Чарторыйский, 1907, с. 490).

Достаточно запутанным был механизм принятия законов. Единого органа государственной власти, готовящего законопроекты, в империи не существовало, что позволяет сделать выводы о неповоротливости самой системы государственного управления в решении основных задач в сфере деятельности органов внутренних дел в громадной Российской империи, раскинувшейся к началу XIX века на трех континентах: Европе, Азии и Америке. Одной из основных тенденций в системе государственного управления со второй четверти XVIII века стало укрепление российского самодержавия в виде расширения любой возможности императора принимать важнейшие и судьбоносные решения в жизни страны. Большое воздействие на этот процесс имело стремление правящей элиты противодействовать разрушительным революционным идеям Великой французской революции 1789–1794 годов.

Кроме того, российское самодержавие в последней четверти XVIII века столкнулось еще и с внутренним вызовом в виде распространения концепции ограничения монархии В. Н. Татищева, который, обобщая социальный опыт дворцовых переворотов, обосновывал необходимость этой меры несовершенством личности монархов, случайно оказывавших на российском престоле. Эта концепция нашла во второй половине XVIII века свое практическое воплощение в аристократических кругах екатерининской России. Выдающийся дипломат, президент Коллегии иностранных дел, воспитатель цесаревича Павла Петровича – Н. И. Панин пытался в этот период создать в соавторстве с драматургом Д. И. Фонвизиним один из первых проектов Конституции страны на основе идей разделения властей и представительного правления. Основными идеями этого проекта были:

- 1) подчинение деятельности правительства справедливым законам;
- 2) справедливые законы должны приниматься представителями сословий в Сенате;
- 3) ограничение прав государя вмешиваться в права подданных;
- 4) несение государством и гражданами взаимных прав и обязанностей (Фонвизин, 1959, с. 266).

Эти политико-правовые воззрения вступали в резкое противоречие с самодержавно-монархическим курсом императрицы Екатерины II, стремящейся закрепить сословное неравенство, крепостное право и неограниченные полномочия монарха, что выразилось в Сенатской реформе 1764 года. В ходе этой реформы роль и значение Правительствующего Сената в системе управления империей были ослаблены.

Таким образом, стремление противодействовать разрушительным последствиям Великой французской революции 1789–1794 годов и попыткам аристократических кругов империи закрепить сословные привилегии путем ограничения властных полномочий российской императрицы Екатерины II во второй четверти XVIII века не только отвратили российское самодержавие от масштабных государственных преобразований в сфере внутренних дел, но и обусловило нарастание консервативных начал (введение цензуры, ограничение свободомыслия, которые считались способами противодействия распространению «революционной заразы»).

Воплощением консервативных начал государственного развития стал российский внутриполитический курс императора Павла I, направленный на формирование настоящего полицейского режима. Самодержавное государство взяло курс на упорядочение всех сторон жизни российского общества (Эйдельман, 1992, с. 57). Современники отмечали тот факт, что главными в системе внутренних дел становились органы государственной полиции, а важнейшими функциями органов государственной власти – контроль над иностранцами и способами их въезда и передвижения по империи, работа с отчетами о доносительстве по поводу того, «кто, что слышал или заметил», мелочный полицейский надзор за отдание почестей царским резиденциям в виде «почтительного снятия шляпы», а также разработка и реализация мер государственных физических наказаний за «оскорбление персоны государя – императора Павла Петровича» в виде отказа уступать дорогу. Причем система доносительства, которую и создавала российская полиция, мыслилась в качестве адекватной меры по борьбе с любыми государственными преступлениями (Жоржель, 1913, с. 189).

Одним из важнейших индикаторов эффективности системы полицейского управления стало общественное мнение, которое было, в основном, негативным. Даже иностранные путешественники были вынуждены признать факт того, что «ни в одной стране, не исключая Франции, полицейские меры не мелочны и не тягостны, как здесь. Во всякой благоустроенной стране они должны быть таковы, чтобы честный человек их совершенно не чувствовал и чтобы мошенник и злодей встречал бы их повсюду... В Петербурге улицы кишат членами полиции. Общественные места ими переполнены: ваш костюм, прическа, ваши разговоры, ваши общественные сношения – все представляет интерес для нее. Пропорционально бесконечному увеличению приказов и воспрещений, увеличивается число случаев их нарушений, малейшее нарушение закона и малейшее недовольство...влечет тюремное заключение, или ссылку» (Де Брэ, 1899, с. 553). Именно такие меры полицейского надзора и контроля воспринимались правящей элитой империи, в первую очередь самим императором Павлом I, в качестве адекватных мер противодействия идеям Великой французской революции 1789–1794 годов и подавлении всех попыток внутренней дворянской оппозиционности.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что, несмотря на объективные предпосылки проведения реформ, сама ситуация в России последней четверти XVIII века оказалась далекой от реализации реформ, направленных на упорядочение и централизацию системы государственного управления Российской империи. Сохранение и укрепление российского самодержавия и полицейского произвола порождало ряд неразрешимых противоречий: рост коррупции и взяточничества. Адам Чарторыйский в своих воспоминаниях, анализируя причины проведения министерской управленческой реформы, писал: «Надеялись, что, кроме других благих результатов, меры эти послужат действенным средством для ограничения злоупотребления властью, взяточничества и бесчисленных хищений, составлявших язву русского государства, так как никакое другое средство не в силах было прекратить их» (Чарторыйский, 1907, с. 488). Таким образом, следует признать, что причинами и условиями проведения масштабных преобразований в системе органов внутренних дел, сложившимися к началу XIX века, стали крайняя запутанность в исполнении органами государственной власти своих функциональных обязанностей, отсутствие четких принципов системы государственного управления, а идея централизованной монархии императора Павла I с полицейско-бюрократическим аппаратом была доведена до технически возможных пределов. Чувство страха представителей управленческой элиты и непредсказуемость безграничной самодержавной власти также становились дестабилизирующим фактором самой системы управления империей на исходе XVIII века.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Применение исторического метода обусловлено в первую очередь изучением проблем проведения в Российской империи управленческих реформ начала XIX века. В статье использованы фундаментальные принципы этого научного метода: принцип конкретики, который делает необходимым изучение управленческих реформ в системе органов внутренних дел в контексте условий и особенностей развития страны на рубеже XVIII–XIX веков.

Для этого были использованы воспоминания и мемуары современников, с которыми связано проведение реформ: А. Чарторыйского, Ф. Ф. Вигеля, а также путешественников, посещавших страну в этот период и ставших свидетелями данного процесса; принцип взаимообусловленности процессов и явлений выражается в том, что органы внутренних дел были частью системы и механизма функционирования органов государственной власти, а стало быть, на изучаемую реформу оказывали воздействие объективные факторы – управленческие реформы, начатые сразу после восшествия на российский престол императора Александра I; принцип причинности и поиска закономерностей обусловил поиск причин проведения масштабных преобразований в системе органов внутренних дел.

Историко-сравнительный метод в данной статье используется для выявления сущностных особенностей реформы в системы управления органами внутренних дел 1802 года путем сопоставления опыта их проведения с процессом реформирования в течение периода 1810–1811 годов. Это позволяет выявить и решить проблему причинности в реформировании органов внутренних дел.

Историко-системный метод применяется для понимания места органов внутренних дел в системе органов государственной власти, состоящей из разнообразных элементов – специализированных властных структур.

Наконец, с помощью историко-диахронного метода удалось определить специфику и конкретные особенности процесса реформирования органов внутренних дел в начале XIX века в сравнении с попытками их реформирования в XVIII веке.

Таким образом, использование исторического, историко-сравнительного, историко-системного и историко-диахронного методов позволяет понять причины, закономерности и сущность масштабной управленческой реформы в системе органов внутренних дел Российской империи первой четверти XIX века.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый этап реформы начался с указа императора Александра I, подписанного 8 сентября 1802 года и подразумевавшего создание в Российской империи восьми министерств, в том числе министерства внутренних дел. Само понятие «министерство» французского происхождения, обозначает отрасль государственного управления. Современники отмечали тот факт, что новое Министерство внутренних дел отличал от прежних коллегий, подчиняющихся Правительствующему Сенату, принцип единоначалия. Вместе с тем анализ материалов юбилейных изданий, посвященных двухсотлетию Правительствующего Сената, позволяет сделать вывод о том, что не существовало даже самой системы государственного управления. Во главе государства в течение XVIII века находился «монарх самодержавный и неограниченный, «непреклонная воля» которого объявлялась высшим законом для подданных. В системе управления империей «личные качества монархов и их ближайших советников играли слишком решающую роль, внося в государственную жизнь элемент случайности»¹. Применительно к деятельности органов внутренних дел учреждением Министер-

¹ История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911 гг. СПб.: Сенат. тип., 1911. Т. 3. С. 9.

ства внутренних дел Российской империи делалась попытка создать современную структуру управления государством. Эта структура должна иметь четкую систему ведомственных различий между органами власти, не отменяя прежней коллегиальной системы государственного управления. Коллегии, созданные еще в начале XVIII века, по-прежнему существовали и продолжали в ряде случаев дублировать функции министерств². Один из выдающихся российских историков XX века – М. Н. Покровский подверг резкой критике саму идею замены коллегиального управления личным, применительно к реалиям начала XIX века. Он писал о том, что «коллегии с самого начала были пустой формой, и на самом деле президенты коллегий, имевшие непосредственный доклад у императрицы Екатерины II, являлись настоящими министрами, ... функции министров юстиции, внутренних дел и финансов были и юридически в руках одного лица, генерал-прокурора Сената» (Покровский, 1911, с. 281). Таким образом, отмена принципа коллегиальности в центральном управлении не является обоснованной причиной проведения реформ.

Среди других особенностей министерской реформы современники отмечали крайнюю поспешность ее проведения, без разработки основополагающих функциональных документов, а попытки ведомственного разграничения органов государственной власти создавали проблему эффективного вмешательства министерства внутренних дел в дела подведомственных учреждений. Ведь сфера министерского управления, в условиях масштабности функций государственного управления огромной Российской империей, не могла охватить собой все аспекты жизни российского общества. Сама система министерского управления была заимствована из практики деятельности зарубежных государств, где ведомственная специализация органов власти существовала уже несколько десятилетий. Авторы ряда законопроектов, проходящих через систему Правительствующего Сената, Г. А. Розенкамф и Д. П. Трошинский исходили из необходимости применять французский опыт, так как именно в этой стране еще в XVIII веке в концепции французского Просвещения была обоснована идея ведомственного разделения функциональных обязанностей органов государственной власти для установления предельно четкого порядка государственного управления. Именно в данной концепции были осмыслены проблемы ограничения функций государственной власти по вмешательству в естественные права граждан через такие категории, как «общее благо», «естественные права человека». В рамках просветительской идеологии, применительно к деятельности органов внутренних дел, практически впервые было обосновано разделение функций государственной власти для эффективного управления различными сферами государственной жизни. При этом в работах представителей французского Просвещения применительно к деятельности органов внутренних дел была поставлена проблема обеспечения общественной и государственной безопасности. Вместе с тем следует отметить, что французский опыт реорганизации государственных учреждений сразу вошел в противоречие с реалиями российской действительности. В полномочиях российской полиции оказывалось громадное количество функциональ-

² *Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк.* СПб.: Тип. М-ва внут. дел, 1901. С. 2–3.

ных обязанностей: борьба с преступностью, охрана общественного порядка, содержание объектов инфраструктуры, социальная политика, противопожарная безопасность, государственная безопасность. Все это отсутствовало у французской полиции, да и масштабы территории Российской империи не способствовали успешности проведения реформы. Министерская реформа 1802 года, применительно к реорганизации органов внутренних дел, оказала воздействие на нарастание ведомственных барьеров, что затрудняло процесс эффективного государственного управления. Такая оценка содержалась в написанной Н. М. Карамзиным в 1816 году записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Он выразил недовольство поспешностью в проведении министерской реформы, ломающей традиции коллегиального принятия решений, сложившейся со времен Петра Великого. Он писал о том, что в коллегиях «трудились знаменитые чиновники, президент и несколько заседателей, имея долговременный навык и строгую ответственность правительствующего места...» (Карамзин, 1991, с. 57). Реформа проводилась без проработки фундаментальных организационно-правовых документов – «а не было еще наказа министрам, т.е. верного, ясного руководства в исполнении важных из обязанностей!». В качестве последствий проведения реформы Н. М. Карамзин выделил наличие громадного количества входящих и исходящих бумаг, в которые министр внутренних дел не мог «основательно вникать», и невиданная бюрократизация системы государственного управления, что выразилось в создании министерских комитетов. Опыт создания и функционирования Министерства полиции Российской империи (1810–1819 годы) Н. М. Карамзиным был подвергнут резкой критике как за отсутствие «твердости устава» — неизменного нормативно-правового акта, так и за постоянную передачу отдельных функций разным министерствам. В этих обстоятельствах историк видел угрозу расстройству системы государственного управления и угрозу ослабления самодержавной власти — основы российской государственности. Его взгляды на министерскую реформу отразили позицию аристократической оппозиции всем реформам государственного управления первой четверти XIX века. По вопросу о проведении реформы уже в период 1802–1803 годов возникли острые дискуссии. М. М. Сперанский предложил усилить ответственность министров, которая в России полностью отсутствовала, по причине того, что в России не существовало парламента. При этом записка М. М. Сперанского «О Министерстве внутренних дел», составленная в июле 1803 года, вызвала критику сенаторов во главе с одним из влиятельных членов Правительствующего Сената Д. П. Трошинским, пытавшимся отстаивать коллегиальный принцип в деятельности министерств (Майков, 1904).

По мере отстранения Д. П. Трошинского и усиления роли М. М. Сперанского в процессе принятия важнейших управленческих решений в 1810–1811 годах начался *второй этап реформы* в системе органов внутренних дел. В этот период преобразования оказались более проработанными, в первую очередь с теоретической точки зрения. Основой реформы стал проект М. М. Сперанского – выдающегося государственного деятеля Российской империи начала XIX века. В записке «Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» 1803 года М. М. Сперанский изложил основные

взгляды на полицейское устройство, существовавшие на тот момент времени:

1) идея о полиции как единственном органе «государственного благоустройства», в полномочия которого должны входить функции обеспечения безопасности, благоустройства, защиты законности и порядка;

2) идея о полиции «государственного благочинья» с функциями обеспечения государственной безопасности;

3) идея о разделении полиции на государственную (высшую), занимающуюся государственной безопасностью, и низшую, которой «подчиняют маловажные отступления от закона и порядка» (Сперанский, 2010, с. 250).

Далее М. М. Сперанский определил сами понятия «закон» и «полиция» и определил неразрывную связь между ними. Эта связь виделась выдающемуся реформатору России в том, что закон – это «ограничение натуральной свободы известными правилами», а полиция – «средство, избранное правительством к сохранению действия закона, его непрерывности, способ удерживать деяния людей в порядке и не допускать насилия». Исходя из этого он считал, что основными функциями полиции должны быть: 1) исполнительная (executive) полиция с обязанностью «восстанавливать закон там, где он нарушен»; 2) смирительная (repressive) полиция должна пресекать насилие на месте; 3) предупредительная (administrative) полиция должна была предупреждать преступления, занимаясь профилактическими действиями. Таким образом, проект М. М. Сперанского подразумевал установление принципа законности в деятельности российской полиции и обоснование тесной связи полиции не столько с интересами государства, сколько с интересами подданных империи, заинтересованности последних в безопасности и порядке. Такие функции российской полиции убеждали М. М. Сперанского в выделении ее в особый орган центральной власти – Министерство полиции Российской империи. В условиях бурного роста народно-хозяйственного комплекса и необходимости наращивать интенсификацию этих отраслей экономики, функции полиции в Министерстве внутренних дел оказывались лишними. Обширность функций министерств, созданных в 1802 году, не позволяла с должной степенью постоянства вникать в проблемы обеспечения государственной и общественной безопасности.

В соответствии с замыслами М. М. Сперанского, изложенными во «Введении к уложению государственных законов» (Сперанский, 2010, с. 306), государственная внутренняя безопасность (функции предупредительной (administrative) полиции), а также надзор за публичными нарушениями безопасности («паспорты, зрелища и публичные собрания») и сокровенными нарушениями безопасности («наблюдение и надзор за иностранцами и наблюдения за действиями общественных сил») становились функциями Министерства полиции. Такая детальная проработка самой концепции российской полиции и легла в основу Манифеста императора Александра I от 25 июля 1810 года «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждый управлению принадлежащих»³. В этом документе говорилось о разделении всего управления на пять частей. Причем Министер-

³ Манифест императора Александра I от 25 июля 1810 года // Полн. собр. Законов Росс. империи: Собр. первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. 31. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. С. 279–280.

ство внутренних дел было отнесено к сфере «государственной экономии» с функциями «попечения о земледелии, промышленности, почте и публичных зданий». Все функции внутренней полиции и безопасности были возложены на созданное Министерство полиции Российской империи, во главе с генерал-полицией-мастером, назначенным министром полиции. Первым министром российской полиции стал Александр Дмитриевич Балашов (1770–1837). Это был выдающийся государственный деятель начала XIX века. Он занимал посты Московского и Санкт-Петербургского обер-полицей-мастера, военного губернатора Санкт-Петербурга. Именно этот управленческий опыт позволил А. Д. Балашеву стать не просто чиновником, а одним из самых влиятельных администраторов. Возглавляемое им в течение двух лет Министерство полиции Российской империи стало одним из ведущих в системе центрального управления страны. Правитель особой канцелярии Я. И. Санглен вспоминал о том, что «соображаясь с учрежденными уже министерствами и лучшими творениями о полиции, написал этот устав, который Балашов отправил Сперанскому на рассмотрение» (Санглен, 1883, с. 17). М. М. Сперанский возвратил устав без изменений. Таким образом, в министерстве полиции было очень быстро налажено делопроизводство настолько, что сотрудники особой канцелярии должны были готовить доклады других департаментов и министерств на подпись императору.

Функции полиции были разделены на две части: полиция предохранения, куда вошли «медицинские и карантинные дела, по продовольствию, безопасность путей сообщения, дела по цензовым установлениям, по приказам общественного призрения» и полиция исполнительная, которая должна была отвечать за исполнение приговоров судебных мест, «сбор недоимок, устройство внутренней стражи, заведование смиренными домами».

В составе Министерства полиции Российской империи возникло два департамента – медицинский и исполнительный. «Все же дела, до хлебопашества и сельского хозяйства касающиеся, опека над иностранными поселенцами, отрасли промышленности: рыболовство, звероводство, пчеловодство, овцеводство, виноделие, шелководство, разведение кунжута, хлопчатых бумаг и прочих полезных заведений» были оставлены в ведении Министерства внутренних дел⁴. В составе Министерства полиции оказались функции III экспедиции Министерства внутренних дел Российской империи 1802–1810 годов: дела по охранению народного продовольствия и обеспечения припасами; соображение и составление полицейских штатов и других мест из городских доходов содержащихся, рассмотрение годовых губернаторских отчетов; все дела, принадлежащие по свойству и охранению безопасности⁵. Министерство полиции должно было проверять все журналы, ведомости и листки, все рукописные сочинения на предмет защиты государственной безопасности, исполнять предписания бывшего Министерства внутренних дел по полицейской части⁶. На Министерство полиции были возложены функции и театральной

⁴ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Канцелярии нижегородского губернатора. Оп. 4. Д. 82. Указы Правительствующего сената 2.01.–30.12.1810. С. 404, 406–408.

⁵ Там же. С. 406–408.

⁶ ЦАНО. Ф. 2. Канцелярии нижегородского губернатора. Оп. 4. Д. 95: Указы и предписания Правительствующего сената 7.01.–24.06.1811. С. 123.

цензуры с целью, чтобы «содержатели театров к представлению назначали одни и те же пьесы, кои обозначены в реестрах».

Этот этап реформы многими современниками, в том числе и сотрудниками Министерства внутренних дел Российской империи, воспринимался достаточно негативно. Многие увидели в Министерстве полиции упраздненную Тайную канцелярию «стыда и ужаса прошедших времен», связанных с преследованием по политическим мотивам невиновных, а реформы воспринимались в качестве «уничтожения всего прежнего хода дел в государстве» (Вигель, 1928, с. 148). Реформа оценивалась достаточно негативно, так как она не только не снимала причин преобразований, но и создавала новые проблемы. Все дело в том, что реформаторы старались ликвидировать элемент коллегиальности в сфере управления внутренними делами, что, по мысли современников, приводило к концентрации властных полномочий в одних руках и способствовало только нарастанию безответственности властей за свои действия. Как писал один из чиновников Министерства внутренних дел: «верховная, неограниченная власть находится в одних руках и глас народа, через представителей его, не может до нее доходить» (Вигель, 1928, с. 149). Критике подвергалась сама система министерского управления, которая без наличия в России элементов парламентаризма могла выродиться в тиранию.

Порочной воспринималась и система принятия решений, когда министр внутренних дел в формулировании предложений и инициатив был вынужден обращаться к мнению авторитетных директоров министерских департаментов, на которых и должны были замыкаться все управленческие решения в деле усовершенствования и улучшения в системе органов внутренних дел. Таким образом, современники видели в проведении реформы начало невиданной и бездушной бюрократизации в управлении органами внутренних дел. Ф. Ф. Вигель писал: «министерства были первыми из тех бесчисленных опытов, кои мы видим в течение почти сорока лет. Долго ли еще мы будем пытаться? Страшно подумать, что эти беспрестанные пробы могут довести нас, наконец, до какого-нибудь ужасного представления» (Вигель, 1928, с. 161).

Одной из самых важных научных проблем в понимании причинности и закономерностей проведения министерской реформы первой четверти XIX века является вопрос о рецепции (восприятии) зарубежного опыта. Доминирующая рецепция французского опыта деятельности государственных учреждений была невозможна, так еще в конце XVIII века «российские светские элиты были знакомы с многоязычной ситуацией, при которой французское влияние не было «доминирующим» (Berelowitch, 2015, p. 43). Следует признать, что факт этой рецепции имел место при проведении реформы. За образец часто брались британские традиции государственного управления, о чем свидетельствовал не только посольский опыт первого министра внутренних дел в Лондоне, но и признание министерств «английскими». Следует признать, что при дворе императора Александра I, особенно в первые годы его правления, которые совпали с проведением масштабной реформы государственного управления, было достаточно сильно именно английское влияние. Это было вызвано тем внешнеполитическим переворотом 1801 года, который последовал за убийством императора Павла I и вступлением России в новую антифранцузскую коалицию. Английский исследователь Х. Беффлей

исходил из того факта, «что в начале правления Александра I при дворе существовало сильное влияние Великобритании, а французское влияние уменьшилось» (Befley, 1934, p. 497). Тесные англо-российские отношения первого десятилетия правления императора Александра I нашли свое проявление в том, что «партия вигов готова была сотрудничать с Россией» (Crawley, 1929, p. 48).

Министерство полиции Российской империи образца 1810–1811 годов создавалось по образцу Министерства полиции Наполеоновской Франции и стало отражением французского влияния при дворе императора Александра I, проводником которого можно считать М. М. Сперанского. Министерство полиции Российской империи формировалось в условиях роста антиправительственных настроений, вызванных последствиями заключения невыгодного для России Тильзитского мирного договора 1807 года. Устранение М. М. Сперанского в начале 1812 года и Отечественная война 1812 года обусловили снижение влияния при дворе императора Александра I французской группировки, что отразилось и на органах внутренних дел Российской империи. 4 ноября 1819 года Министерство полиции и его полномочия были переданы Министерству внутренних дел. Дореволюционная отечественная историография связывала этот факт со смертью министра внутренних дел О. П. Козодавлева и министра полиции С. К. Вязьмитинова, чем был «подан повод к важным переменам в государственном управлении» (Варадинов, 1858, с. 211). Большую роль в объединении Министерства внутренних дел и Министерства полиции Российской империи сыграл первый министр внутренних дел Виктор Павлович Кочубей. Он написал на имя императора Александра I записку «О положении в империи и о мерах к прекращению беспорядков...», в которой указал на то, что «создание Министерства полиции явилось причиной беспокойства всего общества, так как ...движение каждого самое невинное может обратиться в преступление» (Борисов, 1991, с. 45). Таким образом, британское влияние при дворе императора Александра I, выразившееся в усилении полномочий укрупненного Министерства внутренних дел во главе с графом Кочубеем, усилилось.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема причинной обусловленности реформ в системе органов внутренних дел, проводимых в Российской империи в первой четверти XIX века, ставилась в отечественной исторической науке еще в дореволюционный период. Проблема реформирования органов внутренних дел изучалась в контексте личности самого императора Александра I. Большинство авторов дореволюционного периода: великий князь Николай Михайлович (Романов, 1912), А. Н. Пыпин (Пыпин, 1900), Н. К. Шильдер (Шильдер, 1897–1898) связывали причины реформ в системе управления Российской империей с особыми либеральными взглядами императора, обращали внимание на влияние француза-республиканца Фридриха-Цезаря Лагарпа на становление личности будущего императора Александра, игнорируя при этом влияние идей Великой французской революции. Реформы 1800-х годов в дореволюционном историческом и правовом знании мыслились в качестве особого периода

в истории отечественной государственности – либеральных реформ, которые открыли путь движения России в направлении правового государства. Один из знатоков эпохи императора Александра I М. И. Богданович напрямую связывал причины реформ в области управления Российской империей начала XIX века с тем, что «Александр Павлович был свидетелем многих злоупотреблений администрации в конце царствования Императрицы Екатерины и крутых преобразований ее преемника». Именно поэтому, как считал историк, новый император и решился «совершить коренную перестройку всего многосложного государственного здания» (Богданович, 1869, с. 69). Такой взгляд на преобразования в системе управления органами внутренних дел присущ практически всем научным исследованиям дореволюционного периода. Такие же выводы можно встретить в специальных работах обобщающего характера в дореволюционной науке, посвященных 100-летней годовщине Министерства внутренних Российской империи, отмечавшейся в 1902 году. В них авторы писали о том, что реформа органов внутренних дел 1802–1811 годов не опиралась на отечественные традиции, а исходила из заимствования опыта французских административных учреждений – «в начале XIX века у нас пользовалась большим влиянием идеология, основанная не на фактах русской действительности, а на французской просветительной литературе XVIII столетия. Эта идеология не считалась с историческими особенностями народной жизни, отличалась космополитическим, отвлеченным характером»⁷. С другой стороны, в данном произведении с целью обоснования причин реформы в системе органов внутренних дел начала XIX века говорится о медлительности решения вопросов в коллегиях, что, на наш взгляд, не является важным аргументом, так как и для образованных министерств была характерна та же особенность, о чем писал Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой истории России» (Карамзин, 1991). Таким образом, для изучения опыта реформирования органов внутренних дел начала XIX века было характерно акцентирование внимания на субъективных факторах.

В советский период реформы начала XIX века изучались в контексте проявления кризиса феодально-крепостнических отношений в царской России, когда «удерживать в повиновении народные массы, в условиях развития освободительных идей Великой Французской революции не получалось» (Предтечинский, 1957, с. 11). Вместе с тем признавалось, что «реформы не изменили социально-экономического и политического строя, они подготовили страну к тому, чтобы сделать первый шаг к буржуазной монархии» (Предтечинский, 1957, с. 19). Большой вклад в изучение причин и условий проведения управленческой реформы 1802–1811 года внесли советские историки 50–х годов XX века: С. Б. Окунь (Окунь, 1956), А. В. Предтечинский (Предтечинский, 1957). В известной монографии А. В. Предтечинского оценка управленческих реформ носит двойственную природу. С одной стороны, реформы не отражают наступление нового этапа в развитии феодально-крепостнической государственности, а с другой стороны, в реформе 1802–1811 года видится начало «заигрывания царского самодержавия с различными социальными слоями российского общества», в чем советские историки видели переход к «бонапартизму» (Предтечинский, 1957, с. 19).

⁷ *Министерство внутренних дел 1802–1902...* С. 48.

При этом истоки и причины проведения управленческой реформы оставались не раскрытыми. По вопросу о рецепции зарубежного опыта управленческих реформ при проведении преобразований в России первой четверти XIX века советские историки исходили из признания факта заимствования опыта деятельности государственных учреждений Франции. В своей монографии о государственно-правовых институтах крепостнического самодержавия Н. П. Ерошкин высказал противоречивое мнение о том, что «для России оказалась чуждой идея разделения властей, зато опыт министерств буржуазной Франции оказался весьма приемлемым для феодальной России» (Ерошкин, 1981, с. 112). Эта точка зрения считалась в отечественной науке основной и непререкаемой. Например, в научных исследованиях, посвященных проблемам реформирования органов внутренних дел, проблема рецепции зарубежного опыта вообще не поднималась. Итогом советского этапа изучения проблемы причинности и закономерностей проведения реформы 1802–1811 годов стала монография С. В. Мироненко. В ней причинам и условиям проведения данной реформы уделен всего один абзац, в котором говорится: «Россия вступила в XIX век не только с сохранившимся в неприкосновенности самодержавным строем, но и такой организацией власти, которая уже не отвечала требованиям времени. В структуре государственных органов царило смешение и неопределенность функций. Государственные органы власти не имели ясно очерченной сферы деятельности и четких пределов своей компетенции. Уже к концу царствования Павла I людям, причастным к управлению страной, было ясно, что в таком виде государственная машина существовать не может» (Мироненко, 1989, с. 28). В чем заключалось «несоответствие системы государственного управления требованиям времени»? Ответ на этот вопрос был связан с обращением к материалам отечественных архивов. Одной из самых удачных попыток проанализировать и раскрыть содержание управленческого кризиса стала монография М. А. Приходько (Приходько, 2002), в которой автором была поставлена задача изучения процесса «подготовки и разработки министерской реформы в России в начале XIX века». На громадном объеме архивных источников исследователь сделал вывод о том, что к началу XIX века империя столкнулась с управленческим кризисом, для которого была характерна медлительность и неповоротливость коллегиальной системы государственного управления, сложившейся к концу XVIII века. Научной новизной, на наш взгляд, было признание автором того, что реформа министерств начала готовиться уже в 1787–1798 годах – в царствование императрицы Екатерины II и императора Павла I. Таким образом, анализ вклада представителей отечественной исторической и историко-правовой мысли свидетельствует о том, что поставленная проблема причинной обусловленности и рецепции зарубежного опыта только в данный момент приобретает пути решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реформа 1802–1811 годов не отличалась продуманностью. При ее проведении ставилась задача копирования опыта деятельности французских административных учреждений эпохи императора Наполеона Бонапарта и опыта деятельности британских административных учреждений. Анализ разно-

образных источников: Полного свода законов Российской империи и мемуарных исторических источников, в которых содержатся в большинстве своем негативные оценки реформы, свидетельствует о наличии противоречий в проведении управленческой реформы. Эти противоречия были связаны сострой политической борьбой «французской и английской партий» при дворе императора Александра I, в стремлении молодых реформаторов некритически копировать зарубежный опыт деятельности государственно-правовых институтов. Именно по этим причинам реформа не привела к ожидаемым результатам, не сняла острых противоречий, вызвавших ее проведение. Не произошло и упорядочивания системы управления разными сферами государственной жизни. В составе Министерства внутренних дел Российской империи возникло громадное количество полномочий, которые, как и раньше, замыкались на сверх централизованную систему управления. Специализация органов внутренних дел также оказалась не достижима в условиях громадной территории империи и наличия разнообразных целей и задач внутреннего управления, к которым относились: противопожарная безопасность, государственная безопасность, борьба с преступностью, содержание объектов государственной собственности, благоустройство и др. Единственным позитивным последствием проведения реформы органов внутренних дел первой четверти XIX века становилось формирование современной системы управления, ориентированной на восприятие зарубежного опыта функционирования административных государственных учреждений.

Библиографический список

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869. 539 с.

Борисов А. На службе четырем самодержцам: В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел царской России // Советская милиция. 1991. № 1. С. 43–46.

Брэ Ф. Г. де Записка баварца о России времен императора Павла (Перевод с французской рукописи) / сообщ. Е. Шумигорского // Русская старина. 1899. Т. 99. № 9. С. 537–557.

Варадинов И. История Министерства внутренних дел // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. № 12. С. 210–211.

Вигель Ф. Ф. Записки / ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. Т. 1. М.: Артель писателей «Круг», 1928. 327 с.

Жоржель Ж.-Ф. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла / пер. Н. Соболевского. М.: Книгоизд-во К. Ф. Некрасова, 1913. 231 с.

Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова. М.: Наука. Глав. ред. восточ. лит., 1991. 127 с.

Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкамф // Русская старина. 1904. Т. 120, № 10. С. 140–185.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России начала XIX века. М.: Наука, 1989. 240 с.

Окунь С. Б. Очерки истории СССР конца XVIII – первой четверти XIX века. Л.: Учпедгиз, 1956. 416 с.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен: в 5 т. Т. 3. М.: Издание Товарищества «Миръ», 1911. 276 с.

Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 456 с.

Приходько М. А. Подготовка и разработка министерской реформы в России (февраль – сентябрь 1802 г.). М.: Компания Спутник+, 2002. 93 с.

Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 3-е изд., с доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 587 с.

Романов Н. М. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1912.

Санглен Я. И. де. Записки Якова Ивановича де-Санглена. 1776–1831 гг. / сообщ. М. И. Богдановича // Русская старина. 1883. Т. 37. № 1. С. 1–130.

Сперанский М. М. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 776 с.

Фонвизин Д. И. Рассуждения о неперемненных государственных законах / Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. / сост., автор вступит. ст. и коммент. Г. П. Макогоненко. М.–Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. С. 254–267.

Чарторыйский А. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия (Записки князя Адама Чарторыйского) / сообщ. К. Военского // Русская старина. 1907. Т. 131, № 9. С. 479–497.

Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897–1898.

Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. СПб.: Экслибрис, 1992. 384 с.

Befley H. A Project of Alliance with Russia in 1802 // The English Historical Review. 1934. Vol. XLIX, № CXCV. P. 497–502.

Berelowitch W. Francophonie in Russia under Catherine II: General Reflections and Individual Cases // The Russian Review. 2015. Vol. 74, № 1. P. 41–56.

Crawley C. W. Anglo-Russian Relations 1815–40 // Cambridge Historical Journal. 1929. Vol. 3, № 1. P. 47–73.

Информация об авторах

Орлов Дмитрий Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

ORCID: 0000-0003-0485-6140

ResearcherID: I-8719-2018

Электронный адрес: dm_orlov@rambler.ru

Соборнов Павел Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородская

академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», 603950,
г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3
ORCID: 0000-0002-3307-9371
ResearcherID: I-8736-2018
Электронный адрес: sobornovpavel@inbox.ru

Статья получена 12 мая 2018 года

UDC 340.154

DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-181-198

REFORMS IN THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY: TO THE QUESTION OF THE CAUSE OBJECTIVE AND THE RECYCLING OF FOREIGN EXPERIENCE

Dmitry V. Orlov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe highway, Nizhny
Novgorod, 603950, Russia
ORCID: 0000-0003-0485-6140
ResearcherID: I-8719-2018
E-mail: dm_orlov@rambler.ru

Pavel E. Sobornov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe highway, Nizhny
Novgorod, 603950, Russia
ORCID: 0000-0002-3307-9371
ResearcherID: I-8736-2018
E-mail: sobornovpavel@inbox.ru

For citation:

Orlov, D. V. and Sobornov, P. E. (2018), "Reforms in the System of Management of Internal Affairs of the Russian Empire in the First Quarter of the 19th Century: To the Question of the Cause Objective and the Recycling of Foreign Experience", *Ars Administrandi*, vol. 10, no. 2, pp. 181–198, doi: 10.17072/2218-9173-2018-2-181-198.

Introduction. The period of the first quarter of the 19th century became the era of large-scale reforms in the system of internal affairs in the Russian Empire. These reforms were caused by the acute need to adapt the state mechanism of autocratic absolutist Russia to the large-scale territorial and social changes in Europe caused by the 1789–1794 Great French Revolution. In this regard, identifying the causality of these transformations and the reception of foreign experience in internal affairs

bodies management of the Russian Empire will help to clarify the specificity of state reforms in Russia and understand the fundamental issues in implementation of administrative reforms.

Aims. To identify the causes and conditions that influenced the process of administrative reforms in the system of internal affairs of the Russian Empire in the first quarter of the 19th century.

Methods. Historical, historical-comparative, historical-systemic, historical-diachronic methods.

Results. Russian pre-revolutionary, Soviet and contemporary foreign scientific literature, as well as memoirs of contemporaries, on the implementation of a large-scale reform of the law-enforcement bodies in the Russian Empire in the first quarter of the 19th century have been reviewed and analysed; conclusions on the importance of the English and French experience in this process have been made.

Conclusion. As a result of a comprehensive study of scientific literature and historical sources, the authors concluded that the reforms in the system of internal affairs of the Russian Empire in the first quarter of the 19th century were based not on political and legal ideas of French education, as many believe, but on the experience of the functioning of the British ministries and the Ministry of Police of France during the first empire.

Keywords: internal affairs bodies; police; Ministry of Police; Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire; ministerial reform; reforms of the 19th century; police functions

References

Bogdanovich, M. I. (1869), *Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya* [The history of the Emperor Alexander I reign and Russia in his time], Sushinskii, F. Printing House, Saint-Petersburg, Russia.

Borisov, A. (1991), "In the service of four tsars: V.P. Kochubei is the first Minister of Internal Affairs of imperial Russia", *Sovetskaya Militsiya*, no. 1, pp. 43–46.

Bray, F. G. de (1899), "A Bavarian's note on Russia from the time of Emperor Paul (translation from the French manuscript)", Translated by Shumigorskii, E., *Russkaya Starina*, vol. 99, no. 12, pp. 537–557.

Varadinov, I. (1858), "History of the Ministry of Internal Affairs", *Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del*, no. 1, pp. 210–211.

Vigel', F. F. (1928), *Zapiski* [Notes], vol. 1, in Shtraikh, S. Ya. (ed.), "Krug" Artel of writers, Moscow, Russia.

Géorgel, J.-F. (1913), *Puteshestvie v Peterburg abbata Zhorzhelya v tsarstvovanie imperatora Pavla* [Voyage à Saint-Pétersbourg en 1799–1800], Translated by Sobolevskii, N., Nekrasov, K. F. Publishing House, Moscow, Russia.

Karamzin, N. M. (1991), *O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [About the ancient and new Russia in its political and civil relations], in Pivovarov, Yu. S., Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, Russia.

Maikov, P. (1904), "Baron Gustav Adolf von Rosenkampff", *Russkaya Starina*, vol. 120, no. 10, pp. 140–185.

Mironenko, S. V. (1989), *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii nachala XIX veka* [Autocracy and Reforms. The political struggle in Russia at the beginning of the 19th century], Nauka, Moscow, Russia.

Okun', S. B. (1957), *Ocherki istorii SSSR kontsa XVIII-pervoi chetverti XIX veka* [Essays on the history of the USSR at the end of the 18th – first quarter of the 19th century], Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, Leningrad, Russia.

Pokrovskii, M. N. (1911), *Russkaya istoriya s drevneishikh vremen* [Russian history since ancient times], vol. 3, Publishing of "Mir" Company, Moscow, Russia.

Predtechinskii, A. V. (1957), *Ocherki obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii v pervoi chetverti XIX veka* [Essays on the social and political history of Russia in the first quarter of the 19th century], Academy of Sciences of the USSR Publishing House, Moscow, Russia.

Prikhod'ko, M. A. (2002), *Podgotovka i razrabotka ministerskoi reformy v Rossii (fevral' – sentyabr' 1802 g.)* [Preparation and development of the ministerial reform in Russia (February – September 1802)], Sputnik+ Company, Moscow, Russia.

Pypin, A. N. (1900), *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I* [Public Movement in Russia under Alexander I], Stasyulevich, M. M. Printing House, Saint-Petersburg, Russia.

Romanov, N. M. (1912), *Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Emperor Alexander I. Experience of historical research], Expedition of state securities procurement, Saint-Petersburg, Russia.

Saint-Glin, J. de (1883), "Notes by Yakov Ivanovich Saint-Glin, 1776–1831", Translated by Bogdanovich, M. I., *Russkaya Starina*, vol. 37, no. 1, pp. 1–130.

Speranskii, M. M. (2010), *Izbrannoe* [Selected], in Parsamov, V. S., Rosspen, Moscow, Russia.

Fonvizin, D. I. (1959), *Rassuzhdeniya o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh* [Reasoning about the indispensable state laws], vol. 2, in Makogonenko, G. P., State Publishing House of Fiction, Moscow, Leningrad, Russia.

Czartoryski, A. (1907), "The Russian court at the end of the 18th and the beginning of the 19th century (Notes of Lord Adam Czartoryski)", Translated by Voenskii, K., *Russkaya Starina*, vol. 131, no. 9, pp. 479–497.

Shilder, N. K. (1897–1898), *Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander I. His life and reign], in 4 volumes, Suvorin, A. S. Printing House, Saint-Petersburg, Russia.

Eidelman, N. Ya. (1992), *Gran' vekov. Politicheskaya bor'ba v Rossii. Konets XVIII – nachalo XIX stoletiya* [The Edge of Ages. Political struggle in Russia. The end of the 18th and early 19th centuries], Ekslibris, Saint-Petersburg, Russia.

Befley, H. (1934), "A Project of Alliance with Russia in 1802", *The English Historical Review*, vol. XLIX, no. CXCV, pp. 497–502.

Berelowitch, W. (2015), "Francophonie in Russia under Catherine II: General Reflections and Individual Cases", *The Russian Review*, vol. 74, no. 1, pp. 41–56.

Crawley, C. W. (1929), "Anglo-Russian Relations 1815–40", *Cambridge Historical Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 47–73.

Received May 12, 2018